DOI 10.31489/2023HPh1/62-72

УДК 93/94

А.С. Жанбосинова[1*], А.О. Омарканова[2], Е.Е. Сайлаубай[1]

[1]*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан;*
[2]*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*
(E-mail: sovetuk@rambler.ru, asel_omarkanova@mail.ru, alashorda100@mail.ru)

Родо-иерархические связи в системе протестных координат казахского аула

В статье дан анализ места и роли родо-иерархических институтов в системе социалистического строительства на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. Авторы стремились показать, как традиционная социально-экономическая структура, ее родовой сегмент адаптировались к новым правилам советского общежития. Проблема трансформации казахского аула, силовая модернизация кочевого населения являются одной из самых животрепещущих тем, ее многослойность позволяет историкам рассматривать ее по вертикали и горизонтали, на стыке междисциплинарных научных связей. Предложенная публикация показывает истоки разрушения традиционной идентичности и формирование советской казахской нации; процесс социальной мимикрии казахского аула и становление советского родового трайбализма, так как сильные родовые отношения инкорпорировались в политическую систему новой власти; стратегии активного / пассивного сопротивления казахского аула и мотивы адаптационных практик «отсталого» в глазах большевиков родоплеменного казахского общества. Особое внимание уделено анализу протестных настроений и открытых вооруженных выступлений, в которых значимую роль играли родовые авторитеты и служители религиозного культа. В содержании указана группа характерных факторов народных вооруженных восстаний, отмечено порубежное влияние на протестные выступления, а также выделены их приоритеты. В совокупности повседневные поведенческие практики жизнеобеспечения казахского аула во многом зависели от традиционной родо-иерархической структуры, определявшей выбор формата стратегии адаптации или сопротивления.

Ключевые слова: казахский аул, родо-иерархические институты, силовая модернизация, народные восстания, адаптивные практики.

Buketov university

Введение

Силовая модернизации аграрного населения в 1920–1930-е годы обусловила ускоренную советизацию казахского кочевого аула, обусловив кардинальную трансформацию социальной структуры казахского социума. Столь скоротечный переход выявил противостояние и протестные настроения двух прямо противоположных общественных парадигм, с одной стороны, советская (сталинская) модель построения социализма, а с другой — традиционное родоплеменное казахское общество, состоявшее из жузовых сегментов, иерархических институтов. Представители первой парадигмы стремились навязать свое видение советского переустройства казахского аула, воспринимая чуждую им культуру и население как примитивно-отсталое общество, в то время как представители второй пытались сохранить свою идентичность и традиционализм. Частичная модернизация привела к воспроизводству и институционализации в одном и том же обществе, как относительно модернизированных социальных форм, так и менее модернизированных и даже архаичных структур.

Актуальность предложенной темы заключается в том, чтобы, с одной стороны показать, как традиционное кочевое казахское общество встраивалось, пытаясь сохранить родо-иерархические институты, а с другой — доказать, что острота социального конфликта, протестных настроений аула были усугублены как внутриродовым противостоянием, так и внешним силовым давлением со стороны советской власти. 1920–1930-е годы произошла мобилизация сельским казахским обществом «родовых» рычагов для противодействия репрессивным мерам, проводимым советской властью против традиционных казахских элит, как экономических (баи), так и политических (потомки аристократии и бывшие местные лидеры колониальный период). К системе протестных координат авторы относят различные адаптационные практики, стратегии выживания и тактики открытого/скрытого противостояния.

[*] Автор-корреспондент. E-mail: *sovetuk@rambler.ru*

Методология и методы исследования

Опора на методологический и методический потенциал социальной истории, социологии, социальной антропологии предполагает междисциплинарность предложенной темы. Фокус социальной истории направлен на осмысление и интерпретацию исторических событий прошлого через структуры социальности. Мы рассматриваем историю общества в проекции социологии и антропологии, где микро- и макросудьбы реконструируют реальность прошлых событий. В совокупности обращение к междисциплинарности раскрывает логическую связь взаимодействующих социальных процессов общества, повседневных адаптационных структур поведения, приспособленчества и их качественных характеристик. Обращение к теории модернизации, в том числе к ее более конкретной основе «консервативной модернизации», описывающей макросоциальные процессы советской истории, вполне логично и обусловлено темой авторского исследования. Традиционность казахского общества, социокультурные стереотипы поведения замедляли модернизационные процессы, что растянуло социализацию, большевизацию казахского аула, обусловило специфику социального противостояния.

Результаты и обсуждение

Советская (сталинская) модель построения социализма в большей степени рассматривалась в призме крестьянских протестных выступлений, вопросов насильственной коллективизации казахского аула. Если обратимся к современной российской историографии, то можем увидеть, что крестьянское движение рассматривают как «исторический феномен» [1]; анализируют и раскрывают политические настроения крестьянства [2]; показывают формы и виды крестьянских протестов, в том числе их последствия [3]. Российские архивы ввели в оборот выражение «предоставить слово документу», дав толчок «второй архивной революции». В результате в Российской Федерации за последнее десятилетие XXI века опубликован значительный объем ранее секретных документов из фондохранилищ ФСБ РФ, РГАСПИ, ГА РФ и других [4].

Зарубежные историки продолжают опираться на стандартные клише, такие как «сталинизм», «репрессии», «насилие» и пр. Крестьянская вооруженная борьба в их восприятии — это гражданская война между городом и деревней [5]; это следствие сталинской политики в деревне [6]; это одна из стратегий сопротивления и адаптации к новым социальным условиям [7].

Вместе с тем советское социалистическое строительство в Средней Азии, в том числе и в Казахстане осуществлялось волевым путем, формирование советской идентичности шло одновременно с формированием советской нации, основу которой, по сути, представляли родо-племенные объединения. Именно эта особенность становления советскости через политику коренизации в том числе, в эгалитарной кочевой системе при отсутствии так необходимой и пропагандируемой классовой борьбы в национальных сообществах, отмечена некоторыми авторами, в том числе и А. Эдгар [8]. Несомненно, клановое ранжирование с инкорпорацией во властные структуры советского государства обостряло родовое противостояние, что в итоге активно использовалось советским руководством [9].

Исторически сложившаяся традиционность казахского аула и ее адаптационные практики, стратегии выживания и сопротивления прозвучали лишь в трудах казахстанских историков: М. Козыбаева, Т. Омарбекова, Ж. Абылхожина и других. Революционная статья «Казахстанская трагедия» [10; 65] в известном журнале «Вопросы истории» заложила новую методологическую модель изучения трагических страниц, связанных с насильственной модернизацией Казахстана. Особо отметим двух крупных историков, внесших значительный вклад в анализ протестных движений народных масс, Т. Омарбекова и Т. Алланиязова. Они сформировали собственные авторские концепции оценки противостояния аула/деревни насилию советской власти. Безвременно ушедший Т. Омарбеков своими изысканиями частично разрешил многие исследовательские вопросы, связанные с восстаниями, воссоздал широкую картину выступлений народных масс против политики насильственной коллективизации и оседания кочевого населения. Подробный научно-исследовательский обзор и характеристика отдельных работ по истории вооруженных выступлений в Казахстане представлены в опубликованной в 2018 году книге Таласа Омарбекова, ставшей своего рода энциклопедическим путеводителем истории народных восстаний [11]. Согласно концепции Т. Алланиязова, посвятившего указанной проблеме более двадцати монографий, вооруженные выступления и повстанческие движения рассматриваются как «крестьянский протест, эволюционировавший от борьбы верхушечных слоев аула в лице баев и религиозного духовенства с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции до последнего выражения отчаяния середняков и бедняков, поставленных в ре-

Buketov university

зультате насилия, произвола и беззастенчивого обирания аула представителями власти перед реальностью физической смерти» [12].

Социально-экономические вопросы повседневного существования казахского аула задавали основную тональность политическим процессам. Действительно, необходимость экономической модернизации была обусловлена планами советского руководства, ускоренная их реализация в Казахстане началась с приездом Ф.И. Голощекина. Мы должны согласиться с его мнением, что советской власти в казахской степи не было, точнее, она была в лице «осоветизированных аткамнеров». В большинстве своем волостные и аульные комитеты находились под влиянием родовых традиций и родового противоборства. Партийное руководство вынуждено признавало, что по вертикали «сверху–вниз» сельское сообщество продолжало сохранять свою социальную самоорганизацию, остро реагируя на акции власти, прямо затрагивающие его жизненные и хозяйственные интересы. Причем острота реакции зависела от глубины потерь родовых авторитетов и пограничных линий распространения власти. В аналогии с имперской политикой России в прошлые века XVIII–XIX веков, родовая знать имела возможность входить в состав административного аппарата царской власти на местном уровне, советская система, согласно нововведенному ранжиру, вынесла родовых управителей за красную черту — категория бывших, чуждых классов. Партийные лидеры признавали, что пережитки патриархально-родовых отношений мешают «…проведению генеральной линии, намеченной Краевой конференцией и партийным съездом. Русское самодержавие, поощряя верхушку аула, способствовало возможности экономического господства этой верхушки, создавало потомственных баев, ханов, в руках которых концентрировалось огромное количество скота, и они передавали это господство как наследство. Для советизации аула и для более успешного проведения социалистического строительства нужно было снять эту верхушку, которая держала развитие аула» [13; 145]. Совершенно правы И. Охайон и А. Эдгар, утверждавшие, что строительство социалистической нации и формирование советской идентичности в формате классового противостояния обусловило рост вооруженного сопротивления аула/деревни [9].

Наряду с активным сопротивлением, шел процесс социальной мимикрии казахского общества, что можно отнести к пассивным практикам адаптации. Сама общественно-политическая ситуация и советская административная политика легитимизировали встраивание родоначалия в политическую модель управления. Авторы имеют ввиду политику дебаизации, конфискации, попытку уничтожения родовых авторитетов. В частности, перфоманс ликвидации байства с привлечением низовой «массовки» становился ареной родового противостояния и обоюдного уничтожения, в котором активное участие принимали члены партии и комсомола, как, например, в Зайсанском районе при принятии решения по баям Богусову и Тулусову [14; 188]. К провокационным действиям власти следует отнести объединение аулов, принадлежащих к разным родовым ветвям в составе одной административной единицы, что, естественно, вызывало соперничество. К тому же порой в качестве председателя колхоза выступал «чужой» не только по территориальному признаку, но прямо противоположного родового происхождения, которому никто не доверял, соответственно, как руководитель, он не владел повседневной ситуацией. Итогом негативного отношения к друг другу становились жалобы, доносы, родовое противостояние. Как, например, «население одного аула в условиях колхозного строительства относилось к двум–четырем разным родам, как, например, одна часть аула — к роду Барлыбай, другая — к роду Байчузак. Оба рода происходят из Казыгул. До революции все управители происходили из рода Байчузак. Когда шла конфискация имущества влиятельного бая Берикбола Малдыбаева из рода Байчузак, часть скота досталась беднякам рода Барлыбай. Родственник «обиженного» бая, Малдыбаев Нурахмет влился в структуру советской власти, стал следователем. Бедняки из рода Барлыбай были вынуждены возвратить взятый скот. Род Барлыбай на колхозном собрании поддержал решение о выселении байской семьи Малдыбаевых из аула» [15; 53].

Повсеместно местная власть находилась в руках родовых авторитетов, председателей воспринимали как старшин аула, действовавших в своих интересах и своего рода. Партия была вынуждена констатировать, что, совершенно забыв о массах, партийные организации в ряде районов занимались родовой борьбой, теряя из-за этой борьбы свое партийное лицо, отдаваясь целиком во власть баев и старейшин рода (аксакалов), умышленно разжигающих родовую борьбу для отвлечения внимания партийных организаций от стоящих перед всей партией боевых задач. Через отдельных разложившихся коммунистов и группировщиков баи и ишаны диктовали партии свою волю, определяли, кто должен быть в совете, подбирали по своему усмотрению состав партийных организаций, протаскивали в ряды партии только преданных им, то есть баям и ишанам людей [16].

Buketov university

Списочный состав баев спускался сверху вниз, вовлекая аул, власть перекладывала на них ответственность за принимаемое решение о конфискации или выселении в отношении идентифицированного ими бая. Последние предпринимали попытки спастись, с этой целью баи «подкупали коммунистов, председателей аулсоветов и за это получали документы о том, что они хорошие и добрые баи. Злоупотребление властью представителей низового аппарата стало постоянным явлением, на почве близких родовых отношений активно фабриковались подложные заявления от бедноты с ходатайством возвращения им конфискованного скота. Учитывая, что в процессе распределения конфискованного у баев скота участвовали председатели комиссии, начальники милиции, последние не только брали мзду за помощь в возвращении конфискованного скота баям, но и запугивали бедноту арестом за то, что посмели получить при распределении конфискованный скот.

Были попытки со стороны баев организованного выступления, например в Чаяне, там собирались «собрания баев и байских прихвостней», выпускались националистические лозунги, что казахский народ стонет под игом большевизма — не допускать конфискации и т.д. Все эти попытки отвлечь бедноту от революционного мероприятия, никаких результатов не имели. Беднота, охваченная разъяснением, разоблачала их» [13; 146]. Попытка советской власти преподнести родовое противостояние как классовую борьбу нивелировалась обычными доносами, жалобами о взяточничестве за просьбу об освобождении от конфискации, о связях председателей аулсоветов с баями и аткамнерами. Арест родовых авторитетов сопровождался материалами, где указывалось его участие в группировочной борьбе, об отрицательном влиянии на общество. Естественно, что партийные органы стремились изолировать байско-антисоветское влияние на районные организации, говоря об активном сопротивлении байско-аткамнерских элементов, указывая на культурно-экономическую отсталость казахских районов с пережитками патриархально-родовых отношений, в том числе и с наличием так называемых «алашординских контрреволюционных кадров», затуманивающих сознание простых народных масс, вовлекая их в протестные выступления. В отчетной документации центру доводилась информация об обострении классовой борьбы и усилении сплоченности организации бедноты и батрачества вокруг партии и Советской власти, что в итоге приводит, как полагало руководство, «стиранию родовых граней» [17; 10–15].

Указанное выше в совокупности получило отражение в более активных формах сопротивления. Продолжая мысль Т. Алланиязова о попытке родовых авторитетов сохранить свои позиции, авторы полагают, что одной из форм мобилизации сельского населения явилось активное и пассивное сопротивление политике коллективизации, к активному — можем отнести вооруженное сопротивление, к пассивному — бегство/откочевку, в том или другом случае имело место родовое управление.

Народными восстаниями была охвачена вся территория Казахстана, особо отметим, что рубежное пограничье отдельных областей Казахстана, в частности, западного и восточного регионов республики, оказало значимое влияние на содержание деятельности повстанческих групп. ПП ОГПУ КАССР зафиксировал более 300 крестьянских восстаний. Вооруженные протесты в сводках, обзорных справках ОГПУ обозначались своеобразной терминологией как «бандшайки», «басмачи», «бандитские группы», «вооруженные отряды кочевников» с обязательным указанием социального статуса главарей «баи», «ишаны», «духовенство», «феодалы», «родовые старейшины» и т.д.

Характерными факторами народных восстаний в Казахстане и условиями, в которых они протекали, были:

– значительные территории (степь, пески, горы, леса, озера, реки) с большими расстояниями, отсутствие коммуникаций, дисперсное (рассеянное) состояние, то есть множество мелких повстанческих формирований, возможности быстрых пограничных переходов;

– сочетание массовых откочевок в приграничные территории Туркмении, Узбекистана, Китая, Монголии, России вместе с активным сопротивлением власти объединенными силами туркменских, узбекских повстанцев, а также совместные групповые операции с закордонными отрядами;

– посягательство и угроза утраты родовой идентичности способствовали выстраиванию сильных родо-иерархических связей с усиленным трайбалистским началом и лозунгами («Адай для адаевцев» и пр.);

– активное массовое участие большей части сельского мужского населения (аул/деревня) вне зависимости от этнической принадлежности.

Крестьянский протест в 1920–1930-е годы демонстрирует массу различных способов открытого и скрытого противодействия агентам власти и сельским активистам в реализации курса на социалистическую реконструкцию деревни. Повстанческое движение организовывалось в трех вполне соче-

Buketov university

таемых потребностях, логически обусловленных текущей ситуацией, с одной стороны, под лозунгами борьбы с советской властью, с другой — повстанцы ориентировались на политические ценности прошлого, как «борьба за ханство», «за казахскую власть», за свободу казахского народа, «во имя ислама», «газават» (священная борьба против иноверцев), в-третьих, против русских, против налога, государственных заготовок и коллективизации, отмены советских законов, против баев.

Кампания «ликвидации кулачества как класса», «сплошной коллективизации», «перевода на оседлость» стала причиной коренного изменения крестьянского протеста как в количественном, так и в качественном отношении. Сказанное выше детализирует И. Охайон, утверждая о разнообразии целеполаганий власти в борьбе с байством/кулачеством, ввиду их чрезмерной самостоятельности и состоятельности находилась «acting outside the Soviet organs» (вне советских органов), что детерминировало их немедленное устранение. Действительно, они использовали личное влияние, а их материальная основа и авторитет имели более существенный вес, чем местные руководители советской власти [9; 69].

Толчком к более радикальному сопротивлению государственной политике, росту конфронтации явилось стремление советского руководства разрушить их «адат» [8]. Об этом же сообщало ПП ОГПУ в Казахской АССР, полагавшего, что в основе антисоветского движения в Казахстане лежала традиционная система родовых отношений, высокая степень влияния родовых авторитетов на население аула, наличие «религиозного фанатизма и национального шовинизма». Советизация аула, привнесенная извне, проигнорировала родо-иерархические отношения и ценностные ориентиры казахских кочевников, совершив грубейшие извращения политики партии на местах. В одной из аналитических записок указывалось, что «... в вопросах коллективизации при отсутствии достаточной экономической базы, /кроме как для простейших первичных форм колхозов/ и без всякой широкой массовой разъяснительной работы, насаждались колхозы, бедняки, средняки и батраки коллективизировались в порядке «разверстки» [18; 8].

В анализе причин восстания в Сузакском и Сары-Суйском районах отмечалась их абсолютная не «советизированность», очень сильное влияние байства и ишанства, крепкие родовые связи, «большая культурная отсталость», совершенно слабое влияние «коммунистической партии на батрацко-бедняцкие и середняцкие массы, вследствие неимоверной слабости парторганизации, причем эта слабая парторганизация разъедалась группировочной борьбой. Фактически политика советской власти представлялась населению через кривое зеркало. О политике знали по узун-кулаку, которая передавалась устами баев и мулл. Массовая работа отсутствовала, весь район (за исключением райцентра) не получал не единого номера газеты, хотя в некоторых аулах имелись подписчики. Работа с беднотой и батрачеством отсутствовала, наличие ряда перегибов, а вернее сказать, — головотяпства, кроме этого, широкая и прекрасно поставленная провокационная работа, подогреваемая религиозным фанатизмом, привела к тому, что в выступлении участвовали широкие массы». Когда были захвачены Сузак и Чулак-Курган были убиты по заранее составленному списку руководящие работники. «Все коммунисты и комсомольцы явились к хану и отрекались от партии, выражали свои верноподданнические чувства новому строю… Чрезвычайно характерным фактом является то, что все ответственные работники и коммунисты взяты были на поруки наиболее почетными баями» [19; 141–148]. При ликвидации Сузакского восстания ОГПУ обнаружили различные воззвания к родовой полуфеодальной знати с призывом к священной войне, в том числе «списки личного состава с указанием лучших стрелков и характеристиками на отдельных лиц, списки сердаров /военачальников хана/, поручительства родовых руководителей и баев, гарантирующих благонадежность и боеспособность направленных ими в армию джигитов, учет вооружения и т.д.» [20; 15–32]. Данный факт свидетельствует о круговой поруке, родовой солидарности и негласном родовом соперничестве, так как приводятся статистические данные участников восстания по родовой принадлежности [21]. В составе организаторов и руководителей восстания перечисляются главы родов: Султанбек Шалаков, Атамыш Дощанов, Мирзахмет Базикеев, Шильмамабетов Сагандык, Ультарах Уразбаев, Имамбек Алипаев, упоминаются известные имамы, ишаны, муллы [22; 424].

В отношении «антисоветской организации», сформировавшейся в песках Кара-Кум, где численностью до пяти тысяч хозяйств в среднем 15–16 тысяч населения, по территориальному признаку это примерно 15 районов, по родовому признаку шемекей и алтын, была создана правительственная комиссия, по предложению военного комиссара 11-й Кавалерийской оренбургской дивизии Евсеева. Причина создания Комиссии в попытке провести переговорный процесс заключалась в признании ОГПУ, что «…мы имеем дело с массовым восстанием и что ликвидация этого восставшего населения

Buketov university

одними мерами военно-чекистского порядка неизбежно повлечет за собой новые для Казахстана осложнения…», то есть было принято решение о ликвидации указанной группировки мирным путем [15; 12]. Вероятно, это была первая попытка советской власти разрешить ситуацию без вооруженного противостояния. Повстанцы выдвинули следующие требования:

1. Вернуть неправильно конфискованное в 1928 году имущество у середняков, полностью прекратить конфискацию.
2. Не препятствовать отправлению религиозных обрядов, в том числе религиозному обучению.
3. Вступление в колхоз должно быть добровольным.
4. Вопросы классового разделения разрешать на общем собрании.
5. Решить налоговые сборы хлебом.
6. Создание административного района или аула [12; 13].

Результатом переговоров явилось сложение оружия, конечно, это не было массовым желанием повстанцев, удивление у членов комиссии вызвал факт не причинения вреда пленным советским и партийным работникам.

В оценке роли партийной организации в Абралинском восстании отмечалось засилье байсконационалистических и других чуждых элементов в силу того, что ответработники района, в том числе партработники, были переплетены родственными и родовыми связями с байством и прочими антисоветскими элементами, о чем свидетельствуют следующие наиболее характерные факты:

«Убитый в момент выступления в 11-м ауле Канарбаев является родным братом зав. ОРГО райкома Канарбаева Оспана, близкий родственник последнего также ранен и все 11 убитых бандитов являются родственниками Канарбаева, ко всему этому следует отметить, что 11-й аул Абралинского района перестал бунтовать после того, как туда поехал сам Канарбаев и велел прекратить волнения». Обструкции подверглись вступившие в ряды повстанцев коммунисты, комсомольцы и активисты, вместе с секретарями ячеек, как это имело место в 6-м и 11-м аулах Абралинского района, где в первом вся партячейка вместе с секретарем ее Сатановым перешла в сторону повстанцев и влилась в банду, и во втором вся комсомольская ячейка (исключая 2 чел.) во главе с секретарем ее участвовала в выступлении. «Посланные для разъяснительной работы в пораженные выступлением аулы местные совпартсилы проводят ее там, где они связаны по родовому принципу и меньше всего среди населения и не дают надежды на какой-либо массовый политико-моральный эффект от такой разъяснительной работы» [22; 35–38 об.]

Проведенными военно-чекистскими операциями изъято по Абралинскому району «378 человек активных бандучастников, из коих 230 человек освобождены, как бедняки и, частью, середняки. Остальные, по преимуществу баи, аткамнеры, муллы и родовые авторитеты, являвшиеся организаторами и вдохновителями бандвыступления, руководившие последним, по принципу родового представительства в штабе» [23; 257].

Не менее важную роль в усилении протестных настроений сыграла политика власти в борьбе с религиозным культом, указанная проблема и требования повстанцев присутствовали в каждом восстании. В октябре 1917 г., в последующее время, советская власть не имела четкой политической линии в религиозном вопросе. Примером тому служит лояльность политики власти в разрешении мусульманам совершать религиозные обряды. Так, специальным распоряжением председателя Кирревкома С.С. Пестковского от 1919 г. сотрудникам мусульманам разрешалось отмечать мусульманский праздник Курбан-Байрам. Постановлением Кироблбюро РКП (б) от 12 августа 1920 года для празднования Курбан-Байрам сотрудники-мусульмане освобождались от занятий на один день, а мусульмане-красноармейцы — на четыре дня [24].

По мере нарастания насилия в ауле религиозная политика превращалась в заложницу господствующей идеологии, результирующей борьбу различных сил в партийно-государственных верхах, и силы инерции на местах. Причем в процессе ее осуществления органам ОГПУ отводилась роль не менее значимая, чем специальным партийно-советским структурам, курировавшим церковь и отвечавшим за проведение идеологических установок. При этом политика Советского руководства в отношении религиозного культа носила двойные стандарты, с одной стороны, продекларированная свобода совести и соответствующая законодательная база, с другой — запретительно-ограничительные меры и соответствующая законодательная база. Изъятие мечетей, запрет мусульманскому населению соблюдать пост и проводить молебен можно рассматривать как покушение на «адат». Полагаем, что не столько закрытие культовых зданий, сколько сочетание морального угнете-

Buketov university

ния с видами экономического наказания в совокупности со сказанным выше вынуждало их вступать в ряды повстанцев.

Текущая повседневная ситуация получила отражение в документе по Иргизскому восстанию, мы приводим его полностью, так как его содержание отражает действительное положение дел, характерное для всего Казахстана: «Почему мы подняли восстание? Причины, вынудившие нас к восстанию следующие: 1) религия; 2) мечеть; 3) запрещение соблюдения уразы, намаза; 4) высылка наших людей по разным причинам. [Мы] не выражали никакого недовольства против призыва в Красную Армию, против взимания налога.

Возмущает нас нижеследующее:

1) Хлеб не уродился, но обязывали нас сдать хлеба и [неразборчиво] мы почему-либо не смогли выполнить, подверглись мы высылке — разве это правильно?

Было ли когда-нибудь подвергнуть гонениям религию? Начиная со времен Иисуса (Христа) кто-нибудь отрицал наличие бога?

За произношение слова «Кудай» — наложили нам 40 пудов.

За слово «Алла» — шесть пудов.

За слово «слава Аллаху» — девять пудов.

За 30 дней Уразы — 30 пудов.

За 5 намазов — 5 пудов.

Это разве правильно?

Нужно такое правительство уничтожить.

В других государствах бывают разные события, было ли когда-нибудь поставлено на обсуждение, чтобы упразднить все религии и ввести вместо их одну религию.

Все эти выдвинутые мною вопросы обсудите и о результатах сообщите мне. Как будете обсуждать эти вопросы, договоритесь сами.

Вот по указанным выше мотивам, мы и подняли восстание» [25; 2–2 об]. Повстанцы в протоколах троек ПП ОГПУ, проходили не просто участниками антисоветских восстаний, их презентовали ядром «контрреволюционных религиозных организаций». Соответственно, в сводках центры движения возглавлялись духовными лицами, как муллы (ахуны и хазреты), имевшими «безграничное влияние» на «безграмотное» кочевое население. В докладе сообщалось, что «В Иргизском и Аральском районах из шести банд — четыре возглавлялись: 1-ая Мукатаем Саматовым, ахун-мулла, то есть мусульманским архиереем; 2-ая Исатаем Сатыбалдиным, мулла, имевший три мечети, то есть вроде благочинного попа; 3-ая Джумагазы — муллой Баимбетовым, главой религии в Кара-Кумах; 4-ая Ак-Мурзы муллы» [26; 2]. Исламский фактор в народных восстаниях играл значимую роль, судя по содержанию источников, имевших различное происхождение, в том числе по фрагментам допросов, свидетельским показаниям, справкам ОГПУ и пр. Религиозный «адат» повстанцев, как например: чтение обязательной молитвы, произношение родовой клятвы перед Кораном, жертвоприношение. Самым тяжелым по меркам повстанцев наказанием по отношению к этническим казахам — советским партийным работникам — являлось заставить их молиться в мечети. По большому счету, нарушение социальной справедливости и отсутствие средств существования породили отчаяние и ярость, «…покушение на привычные нормы сельской власти и управления, на идеалы общинной солидарности…» стали обоснованным мотивом к возмездию. Логика противоречий обусловила глубокий антагонизм между властью и крестьянством и закономерно привела вначале к скрытым, а затем и открытым формам вооруженного противодействия народных масс антинародной политике властей [5; 10, 11].

Активные формы протеста вызывали сочувствие, активизировали родовые формы взаимопомощи. Например, известному «адаевскому бандиту» Курмашу Кощанову оказывали помощь граждане Алты-Карасукского района аула № 10. Население отправляло «бандитам» скот, разные «хабары» [27; 76]. Ему же помогали на уровне начальника Адмотдела Адаевского округа — Ураков Калий, последний был направлен на поимку Курмаша Кощанова, вместо его задержания он скрыл место стоянки его отряда, что позволило Кощанову и его сподвижникам укочевать на территорию Туркмении [27; 13].

Влияние отдельных авторитетов, как например Б. Нурумова в рубежном пограничье Казахстана и Узбекистана в Тахта-Купырском районе, ауле № 11, вызывало изумление советских руководителей. Аул как в экономическом, так и в политическом отношении полностью был в его подчинении, поми-

Buketov university

мо этого, под его влиянием находились служители религиозного культа, родоуправители. Аул готов был по его приказу откочевать в сторону Аравии или взять оружие и идти против неверных [28].

Вполне закономерно, что родоуправители, баи и духовенство, имевшие вес в казахском кочевом сообществе боролись и пытались сохранить свое влияние, авторитет, статус. Они использовали каждую ошибку, просчет, допущенные перегибы советской власти на местах для ее последующей дискредитации, создания волны слухов для дестабилизации социально-экономической ситуации. Наблюдаемые формы протеста как в активном, так и пассивном форматах — это выражение недовольства населения проводимыми экономическими реформами, разрушавшими их привычный традиционный мир.

Заключение

Таким образом, в условиях советизации традиционное кочевое казахское общество представляло общее протестное поле, позиционно отражавшее интересы родо-иерархических структур. В их переплетении можно наблюдать различные адаптационные практики, стратегии выживания и тактики открытого/скрытого противостояния. На начальном этапе, то есть до 1925 года в казахском ауле отсутствовали столь активные радикальные протестные настроения, так как традиционная система кочевого хозяйства и интересы родоначалия не были затронуты. Очень важно отметить, триггером открытого недовольства стали, с одной стороны, процессы советизации, или «Малый Октябрь» Голощекина, с другой — начавшаяся конфискация байства и кулачества как класса, в совокупности к ним присоединились ускоренная коллективизация и борьба с религиозным культом. В визуальной графике резкие всплески синусоиды протестных вооруженных выступлений, длившиеся до 1931 года, свидетельствовали не только о применении родовых рычагов в расширении повстанческого движения, но и стремление отстоять традиционную систему ценностей кочевого общества.

Внутригрупповые родовые коммуникации опирались на тесные родовые связи и конфликтовали на почве родовых конфликтов, в соперничестве отстаивая интересы рода. Различные формы нормативного поведения во многом зависели от уровня и объема авторитета, как рода, так и его главы. Особенность протестных позиций казахского кочевого сообщества зависела от персональной родовой идентификации, что противоречило целям формирования казахской нации в условиях советского строительства, а все что не вписывалось в формат партийного руководства подлежало уничтожению или изгнанию. Поведенческие практики и адаптация зависели от целеполаганий стратегии выживания, то есть встраивание элиты или ее выдвиженцев в советскую административную систему поднимало статус рода, обеспечивая спокойное повседневное жизнеобеспечение.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему: «Силовая модернизация казахского аула: адаптация родо-иерархической структуры к политическим и социальным трансформациям конца 1920-х–начала 1930-х годов» ИРН AP14869309.

Список литературы

1 Алешкин П.Ф. Крестьянское движение в России как протестное движение в условиях политики военного коммунизма и ее последствий 1918–1922 гг.: к итогам исследования: дис. … д-ра ист. наук. Спец. 00.07.02 — «Отечественная история» / Алешкин Петр Федорович. — М., 2012. — 663 с.

2 Чуркин В.Ф. К вопросу о политических настроениях российского крестьянства в 20-е — начале 30-х годов XX в. / В.Ф. Чуркин // Via in tempore. История. Политология. — 2013. — №8 (151). — С. 180–186.

3 Филатов В.В. Протестное движение сельских жителей Уральской области во второй половине 1920-х годов / В.В. Филатов, А.В. Томаров // Манускрипт. — 2019. — № 6. — С. 81–84.

4 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: [В 4-х т.]. — Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М.: РОССПЭН, 2003. — 864 с.

5 Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. М.: РОССПЭН, 2010. — 366 с.

6 Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. — 1917–1933 (The great Soviet peasant war) / А. Грациози. — М.: РОССПЭН, 2008. — 135 с.

7 Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. — М.: РОССПЭН, 2001. — 422 с.

8 Edgar A.L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan / A.L. Edgar. – Princeton University Press, 2004, – 320 p.

Buketov university

9 Bullock P.R. et al. Loyalties, solidarities and identities in Russian society, history and culture. Vol. 9. / P.R. Bullock. – UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES), 2013. — P. 67-78.

10 Абылхожин Ж.Б. Казахстанская трагедия / Ж.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев, М.Б. Татимов // Вопросы истории. — 1989. — № 7. — С.53–71.

11 Омарбеков Т. 1929-1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу / Т. Омарбеков. — Алматы: «Арыс» баспасы, 2018. — 480 б.

12 Алланиязов Т.К. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы) / Т.К. Алланиязов, А.С. Таукенов. — Алматы: ОО «OST–XXI век», 2009. — 424 с.

13 ГАОПИТО. — Ф. 29. — Оп. 1. — Д. 4.

14 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 1689.

15 Zhanbossinova A.S. Kazakh nomads: the road to socialism / A.S. Zhanbossinova // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series. — 2021. — № 1(134). — P. 49-62.

16 ГА ЖО. — Ф. 11. — О. 1. — Д. 456.

17 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 2926.

18 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 475.

19 АП РК. — Ф. 141. — Оп. 1. — Д. 2968.

20 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 477.

21 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 474.

22 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 551.

23 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 495.

24 Алпыспаева Г. Исламский дискурс в государственно-конфессиональной политике советской власти в Казахстане в 1920–1930-е гг. / Г. Алпысбаева, Г. Жуман // Вестн. Евразий. нац. ун-та им. Л.Н. Гумилева. Сер. Ист. науки. Философия. Религиоведение. — 2022. — №1(138) — С. 7–24.

25 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 470.

26 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 472

27 СГА КНБ РК. — Ф. 9. — Оп. 1. — Д. 461.

28 Алланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант / Т.К. Алланиязов. — Алматы: Фонд «XXI век», 1999. — 219 с.

А.С. Жанбосинова, А.О. Омарканова, Е.Е. Сайлаубай

Қазақ ауылының наразылық координаттары жүйесіндегі рулық-иерархиялық байланыстар

Мақалада ғылыми айналымға алғаш рет енгізілген мұрағат материалдары негізінде социалистік құрылыс жүйесіндегі рулық-иерархиялық институттардың орны мен рөліне талдау жасалған. Авторлар дәстүрлі әлеуметтік-экономикалық құрылымның, оның жалпы сегментінің кеңестік қоғамның жаңа ережелеріне бейімделу ерекшеліктерін көрсетуге тырысқан. Қазақ ауылының өзгеруі, көшпелі халықты күшпен жаңғырту мәселесі өзекті тақырыптардың бірі болып табылады және оның сан қырлы жақтары тарихшылардың пәнаралық ғылыми байланыстардың түйіскен жерінде бұл мәселелерді тігінен және көлденеңінен қарастыруға мүмкіндік береді. Ұсынылып отырған мақала дәстүрлі бірегейліктің бұзылуының бастауларын және кеңестік қазақ ұлтының қалыптасуын; қазақ ауылының әлеуметтік мимикриясының процесін және кеңестік рулық трайбализмнің қалыптасуын көрсетеді, өйткені күшті рулық қатынастар жаңа биліктің саяси жүйесіне енген; қазақ ауылының белсенді / пассивті қарсылық стратегиялары және большевиктер алдында «артта қалған» рулық қазақ қоғамының бейімделу тәжірибесінің себептері айтылған. Беделді ру басшылары мен діни адамдар маңызды рөл атқарған ашық қарулы көтерілістер мен олардың наразылық көңіл-күйлерін талдауға ерекше назар аударылды. Мақала мазмұнында халықтық қарулы көтерілістерге тән факторлардың тобы көрсетілген, наразылық шерулерге атыстың әсері атап өтілген, сонымен қатар олардың басымдықтары көрсетілген. Қазақ ауылының өмірін қамтамасыз ететін күнделікті тәртіптің тәжірибесінің жиынтығы көп жағдайда бейімделу немесе қарсылық стратегиясының түрін таңдауды анықтайтын дәстүрлі рулық-иерархиялық құрылымға байланысты болды.

Кілт сөздер: қазақ ауылы, рулық-иерархиялық институттар, күшпен жаңғырту, халық көтерілістері, бейімделу тәжірибелері.

Buketov university

A.S. Zhanbossinova, A.O. Omarkanova, E.E. Sailaubai

Clan-hierarchical relations in the system of protest coordinates of the Kazakh village

The article analyzes the place and role of clan-hierarchical institutions in the system of building socialism based on archival materials introduced into scientific circulation for the first time. The authors sought to show how the traditional socio-economic structure and its ancestral segment adapted to the new rules of the Soviet dormitory. The problem of the transformation of the Kazakh village, the forceful modernization of the nomadic population is one of the most burning themes; its multilayered nature allows historians to consider it vertically and horizontally, at the junction of interdisciplinary scientific relations. The proposed publication shows the origins of the destruction of traditional identity and the formation of the Soviet Kazakh nation; the process of social mimicry of the Kazakh village and the formation of Soviet tribalism, as strong tribal relations were incorporated into the political system of the new government; strategies of active/passive resistance of the Kazakh village and the motives of adaptation practices of the "backward" in the eyes of the Bolsheviks tribal Kazakh society. Special attention is paid to the analysis of protest moods and open armed demonstrations, in which tribal authorities and ministers of religious worship played a significant role. The contents indicate a group of characteristic factors of popular armed uprisings, the borderline influence on protest actions is noted, and their priorities are highlighted. In aggregate, the daily behavioral practices of life support of the Kazakh village largely depended on the traditional clan-hierarchical structure, which determined the choice of the format of the adaptation strategy or resistance.

Keywords: Kazakh aul, clan-hierarchical institutions, power modernization, popular uprisings, adaptive practices.

Buketov university

References

1 Aleshkin, P.F. (2012). Krestianskoe dvizhenie v Rossii kak protestnoe dvizhenie v usloviiakh politiki voennogo kommunizma i ee posledstvii 1918–1922 gg.: k itogam issledovaniia [The Peasant movement in Russia as a protest movement in the conditions of the Policy of war Communism and its consequences of 1918-1922: to the results of the study]. *Doctor's thesis*. Moscow [in Russian].

2 Churkin, V.F. (2013). K voprosu o politicheskikh nastroeniiakh rossiiskogo krestianstva v 20-e–nachale 30-kh godov XX v. [On the question of the Political Sentiments of the Russian Peasantry in the 20s - early 30s of the twentieth century]. *Via in tempore. Istoriia. Politologiia — Via in tempore. History. Political Science, 8 (151)*, 180–186 [in Russian].

3 Filatov, V.V., & Tomarov, A.V. (2019). Protestnoe dvizhenie selskikh zhitelei Uralskoi oblasti vo vtoroi polovine 1920-kh godov [The protest movement of rural residents of the Ural region in the second half of the 1920s]. *Manuskript — The manuscript*, 6, 81–84 [in Russian].

4 Berelovich, A., & Danilov, V. (Eds.). (2003). Sovetskaia derevnia glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [The Soviet village through the eyes of the CHEKA–OGPU–NKVD. 1918–1939] [in Russian].

5 Viola, L. (2010). Krestianskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiia i kultura krestianskogo soprotivleniia [Peasant Revolt in the Stalin Era: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance] [in Russian].

6 Gratsiozi, A (2008). Velikaia krestianskaia voina v SSSR. Bolsheviki i krestiane [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants] [in Russian].

7 Fitspatrik, Sh. (2001). Stalinskie krestiane. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody [Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: village] [in Russian].

8 Edgar, A.L. (2004). Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton University Press.

9 Bullock, P.R., Byford, A., Nun-Ingerflom, C., Ohayon, I., Rubins, M., & Winestein, A. (2013). Loyalties, solidarities and identities in Russian society, history and culture, Vol. 9. UCL School of Slavonic and East European Studies (SSEES).

10 Abylkhozhin, Zh.B., Kozybaev, M.K., & Tatimov, M.B. (1989). Kazakhstanskaia tragediia [Kazakhstani tragedy]. *Voprosy istorii — History issues*, 7, 53–71 [in Russian].

11 Omarbekov, T. (2018). 1929-1931 zhyldardagy khalyq koterilisteri: Zertteu [Popular uprisings of 1929-1931: a study] [in Kazakh].

12 Allaniiazov, T.K., & Taukenov, A.S. (2009). Poslednii rubezh zashchitnikov nomadizma. Istoriia vooruzhennykh vystuplenii i povstancheskikh dvizhenii v Kazakhstane (1929–1931 gody) [The last frontier of the defenders of nomadism. History of armed manifestations and insurgents in Kazakhstan]. Almaty, OO "OST-XXI vek" [in Russian].

13 Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Turkestanskoi oblasti [State archive of socio-political stories of Turkestan region]. — F. 29. — Op. 1. — D. 4 [in Russian].

14 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 1. — D. 1689 [in Russian].

15 Zhanbossinova, A.S. (2021). Kazakh nomads: the road to socialism. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series, 1(134),* 49-62.

16 Gosudarstvennyi arkhiv Zhambylskoi oblasti [State Archive of Zhambyl region]. — F. 11. — Op. 1. — D. 456 [in Russian].

17 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 1. — D. 2926 [in Russian].

18 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 475 [in Russian].

19 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 141. — Op. 1. — D. 2968 [in Russian].

20 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 477 [in Russian].

21 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 474 [in Russian].

22 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 551 [in Russian].

23 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 495 [in Russian].

24 Alpyspaeva, G., & Zhuman, G. (2022). Islamskii diskurs v gosudarstvenno-konfessionalnoi politike sovetskoi vlasti v Kazakhstane v 1920–1930-e gg. [Islamic Discourse in the state-confessional policy of the Soviet government in Kazakhstan in the 1920s-1930s] // *Vestnik Evraziiskogo natsionalnogo universiteta imeni L.N. Gumilyova. Seriia Istoricheskie nauki. Filosofiia. Religiovedenie — Bulletin of the L.N. Gumilev ENU. Historical Sciences series. Philosophy. Religious studies, 1(138),* 7–24 [in Russian].

25 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 470 [in Russian].

26 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan]. — F. 9. — Op. 1. — D. 472 [in Russian].

27 Spetsialnyi gosudarstvennyi arkhiv Komiteta natsionalnoi bezopasnosti Respubliki Kazakhstan [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan. — F. 9. — Op. 1. — D. 461 [in Russian].

28 Allaniiazov, T.K. (1999). «Kontrrevoliutsiia» v Kazakhstane: Chimbaiskii variant [“Counterrevolution” in Kazakhstan: The Chimbay variant]. Almaty: Fond «XXI vek» [in Russian].

Buketov university